павінны быць партыйнымі. Аднак узнікае новае пытанне: ці могуць увогуле грамадскія навукі быць незалежнымі ад усялякай ідэалогіі?

Менавіта вяртанне беларусаў да сваіх вытокаў, як і ўсведамленне характару свайго ўласнага гістарычнага шляху, стала асновай новай канцэпцыі ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці. На сучасным этапе аб'ектыўнасць навуковых даследаванняў будзе садзейнічаць не толькі развіццю прававой навукі, але і беларускай дзяржаўнасці.

1 Гл.: Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік. Мн., 1995. С. 620-621.
2 Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI—XVIII стст. (Хрэстаматыя) / Пад рэд. Т.І. Доўнар. Мн., 2005. С. 14.
3 Гл.: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. Мн., 1989. Раздз. 4.
4 Там жа. Раздз. 4, арт. 1.
5 Гл.: Шалькевіч В.Ф. Віленскі універсітэт // Энцыкпапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мн., 1994. Т. 2. С. 287.
6 Гл.: Шалькевіч В.Ф. Там жа. С. 288.
7 Гл.: Юхо Я.А. Гісторыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі. Мн.,1999. С. 61.
8 Гл.: Чистяков О.И. О социальной ценности историко-правовых наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Право. 1995. № 6. С. 10.
9 Гл.: Там жа. С. 11.

Паступіў у рэдакцыю 02.03.05.

Таіса Іванаўна Доўнар - доктар юрыдычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права.

Г.А. ВАСИЛЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Отмечается противоречивость законодательства, что приводит к нарушению ряда конституционных принципов, которые являются основой формирования отношений между государством и человеком. Рассматриваются эффективные механизмы защиты прав человека (материально-правовые, процессуальные и институциональные формы и средства).

The article shows the contradictory character of legislation, which leads to the violation of a number of constitutional principles making the foundation of relations between state and man. Effective mechanisms of the defense of human rights (material and legislative, legal and institutional forms and means) are considered.

I. В современных конституциях, в том числе и государств, недавно обретших независимость, содержатся нормы о правовом, демократическом, социальном характере развития. Часто в них прямо констатируется, что соответствующая страна является демократическим, социальным, правовым государством. Однако для того, чтобы можно было сделать вывод: содержит ли конституция нормы и принципы правового, демократического, социального государства, необходимо проанализировать ее в соответствии с уже известными критериями. Отметим лишь, что в некоторых конституциях (например, Германии) закрепляется принцип социального государства, в других, чаще опирающихся на социалистическое прошлое, содержится обширный спектр социальных, экономических и культурных прав и свобод. С этой точки зрения Конституцию Республики Беларусь вполне можно назвать социальной конституцией.

Аналогично обстоит дело и с вопросом о правовом государстве. В конституции получили свое закрепление основные элементы такого государства: разделение властей, независимость судебной власти, политический плюрализм, приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Однако недостаточно принять даже самый совершенный конституционный текст, важно обеспечить соответствие реальных отношений конституции.

Обратимся к социальным правам: проблема их финансирования на определенном этапе, как отмечает А. Бланкенагель, «становится проблемой демократии и разделения властей»[1].

Известно, что обеспечение таких прав, как право на достойный уровень жизни (достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий (ст. 21 Конституции), на охрану здоровья (ст. 45), на социаль-

ное обеспечение (ст. 47), на образование (ст. 49), на жилище (ст. 48)), требует колоссальных затрат, а значит, влияет на уровень налогообложения субъектов хозяйствования и граждан.

Таким образом, «...имеющиеся финансовые границы являются абсолютной границей осуществления социальных прав»[2], на что обращалось внимание и ранее белорусскими учеными, в том числе и автором настоящей статьи[3]. Отметим, что и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах предусмотрена обязанность государств (для которых этот международный документ стал обязательным), принимать все меры для обеспечения содержащихся в нем прав в пределах имеющихся ресурсов (ст. 2).

Поэтому с учетом имеющихся экономических возможностей важно обеспечить справедливое распределение и использование ресурсов. Остановимся на определении справедливости в философской и юридической литературе. Справедливость раскрывается посредством различных категорий, таких, например, как «добро» и «зло». Интересно, что некоторые исследователи определяют право, также используя эти два понятия. По В.С. Соловьеву, правом следует считать «...принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»[4].

Конституционный Суд Республики Беларусь наиболее часто в последние годы обращался к анализу конституционности нормативных актов, касающихся экономических, социальных и культурных, а также неотъемлемых прав и свобод. Так, около половины решений Конституционного Суда за последние семь лет затрагивают именно социальные аспекты. И в этом отношении Конституционный Суд стремится проявлять возможную сдержанность, чтобы не подменять законодателя, к компетенции которого относится решение вопросов с позиции целесообразности. Однако в случае переплетения принципов социального и правового государства Конституционный Суд активно и непосредственно влияет на решение проблемы. Так, одним из недавних актов были решения Конституционного Суда относительно решений Минского городского и Вилейского районного исполнительных комитетов.

При вынесении решения по вопросу об увеличении оплаты за коммунальные услуги нами было указано на необходимость соблюдения пропорциональности такого увеличения и роста зарплаты, пенсий. Для социального государства характерно стремление к социальному уравниванию, т. е. оказание поддержки слабым и предъявление больших (но до определенных пределов) требований к социально сильным, например, в сфере налогообложения. Зафиксированный в Конституции принцип социального государства является, по существу, конституционным, а значит, обязательным к исполнению предписанием. С учетом наших условий развития в прошлом достижение социальных целей государства (достойная жизнь каждого человека) является важнейшим фактором развития правового государства.

Считаем ошибочным утверждение Р. Штобера о том, что принцип социального государства не требует ни обязательных широких общественных и экономических преобразований, ни внедрения социальной рыночной экономики[5]. В какой-то мере схожую позицию занимает и А. Бланкенагель, отмечая, что «...в демократическом конституционном государстве со свободной рыночной экономической системой исходной является концепция человека, ответственного перед самим собой»[6]. Принципы социального и правового государства тесно связаны и порой переплетаются друг с другом.

II. В печати неоднократно рассматривались принципы правового государства. Их соблюдение на практике остается актуальной проблемой.

Принцип верховенства Конституции, верховенства права можно рассматривать и с позиции необходимости обеспечения: 1) системности законодательства, 2) его иерархичности, 3) стабильности.

К одному из крайне негативных явлений законодательства можно отнести его нестабильность, которую отдельные авторы объясняют так: законодательство нестабильно, потому что часто меняется. Мы считаем, что проблема за-

ключается в недостаточном изучении вопросов общественного развития, требующих своего юридического регулирования; в отсутствии прогнозирования того, как акт начнет работать на практике.

Мы разделяем точку зрения Р. Штобера, утверждающего, что «...дееспособность, рентабельность, производительность, инвестиции и адаптационные способности народного хозяйства в значительной степени зависят от измеримости и предсказуемости хозяйственно- и административно-правовых действий»[7].

По нашему мнению, необходимо, чтобы право защищало экономическое доверие. В данном случае проблема даже не сводится к вопросу о непридании акту, ухудшающему правовое положение, обратной силы. Позиция автора по данному вопросу выражена в ряде его предыдущих публикаций[8]. Важно, чтобы правила оставались стабильными, а изменения норм законодательства были логичными и предсказуемыми. Иногда после выполнения субъектами хозяйствования требований, установленных законодательством, по истечении времени правила меняются, что влечет новые изменения в их деятельности.

Положительным примером разрешения конфликтной ситуации стала проверка конституционности актов правительства, установивших порядок занятия медицинской и фармацевтической деятельностью. В нем Конституционный Суд, согласившись с повышением квалификационных требований к занятию медицинской и фармацевтической деятельностью, отменил необходимость предоставления возможности продолжить указанную деятельность тем лицам, которые получили лицензии в соответствии с прежним законодательством и соответствовали его требованиям. Позитивным является и принятие мер к исполнению решения Конституционного Суда правительством, Министерством здравоохранения. Именно практикой проверяются и корректируются юридические нормы. Противоречивость законодательства ведет к нарушению ряда конституционных принципов, которые являются основой формирования отношений между государством и человеком. В такой ситуации правоприменитель оказывается в трудном положении и по вине субъектов такого «нормотворчества» становится невольным правонарушителем.

Согласно Конституции все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22). Конституционный принцип равенства обусловливает требование определенности, ясности и недвусмысленности законодательного регулирования, так как лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями можно обеспечить такое равенство. Неопределенность содержания законодательного регулирования создает на практике конфликтную ситуацию, ведет к субъективному усмотрению в процессе правоприменения. Тем самым нарушается принцип равенства и верховенства права. Сравнительный анализ как одноуровневых нормативных актов, так и тех, которые занимают в правовой пирамиде различные уровни, часто свидетельствует о противоречивости используемых в них понятий и определений, ссылок на различные нормы, что, конечно же, недопустимо. Такое нормативное «регулирование» может дать основание для признания соответствующих актов не имеющими юридической силы в связи с их неконституционностью.

Невозможно на законодательном уровне определить сроки действия каждого акта. Высказывались идеи не менять новый акт (закон) ранее, чем через шесть месяцев, но принять такое предложение пока не представляется возможным в силу слабой законопроектной работы («увязки» новых актов с действующими).

Отмечая полезность прогнозирования развития законодательства как важнейшего условия формирования доверия граждан к государству и отстаивая в этой связи стабильность законодательства, в то же время необходимо учитывать объективную динамичность экономических и социальных процессов. Как справедливо полагает Р. Штобер, законодатель при основополагающих изменениях права должен предусматривать приемлемые переходные положения (оговорки о недействительности в определенных случаях особо жестких положений и сроках для адаптации)[9].

Известно, что даже те страны, которые в развитии собственных правовых систем достигли наибольших успехов (Австрия, Германия, Франция, Италия, США и др.), прошли через многие тернии на этом пути. Поэтому, критически оценивая ситуацию в молодых государствах, следует иметь в виду и трудности развития демократических, правовых, социальных направлений. В данном случае большое значение имеют такие факторы, как менталитет, степень решения экономических, социальных проблем, отсутствие традиций и др.

III. В литературе высказываются различные взгляды относительно эффективности права и предлагаются следующие критерии ее определения: 1) результативность правового воздействия; 2) достижение поставленной цели; 3) полезность и экономичность правового воздействия.

На наш взгляд, первые два критерия обладают недостатками, так как «результативность» правового воздействия может хотя и быть, но при этом не учитываются такие важнейшие принципы, как свобода, равенство, справедливость, а цель может оказаться ошибочной.

Полагаем, что единственным критерием эффективности права может быть полезность и экономичность правового воздействия.

Право - это один из социальных регуляторов, используемых во имя общей пользы. Исходя из задачи государства служить общему благу, правовое регулирование должно быть экономичным. Поэтому мы разделяем точки зрения Ф.Н. Фаткуллина и Л.Д. Чулкжиной: эффективность права проявляется в максимальной положительной полезности функционирования правовых норм с наименьшими социальными издержками[10]. В свою очередь, профессор В.В. Сорокин видит критерии эффективности права в наличии или отсутствии правового порядка в обществе, способности правовой системы удовлетворять потребности общества в социально-справедливом порядке[11].

Может ли правовая система быть эффективной в переходный период? На наш взгляд - должна. Иначе сам «переходный» период затянется на многие годы. В.В. Сорокин также положительно отвечает на этот вопрос, обращая внимание при этом, что правовая система в переходный период также способна создавать условия для укрепления социальной справедливости, обеспечения гражданского мира, преобладания демократических правил и процедур[12].

Эффективные механизмы защиты прав человека включают материально-правовые, процессуальные и институциональные формы и средства защиты, взаимодействие которых на конституционной основе, отвечающей целям демократического развития, делает такую защиту реальной.

Эффективности правового регулирования содействует следование международным стандартам. Из природы договорных обязательств и из обычного права вытекает общая обязанность государства привести свое внутреннее право в соответствии с обязательствами по международному праву. Хотя, по мнению Я. Броунли, «...необеспечение такого соответствия само по себе не представляет нарушения международного права»[13]. Однако такой подход, по существу, поощряет бездействие национальных государств по совершенствованию своих правовых систем.

Как отмечено в одном из решений Европейского суда по правам человека, наступает международная ответственность за нарушение одного из основных прав и свобод, если это обусловлено невыполнением обязательств по принятию внутригосударственного законодательства[14]. При этом даже допускается «...возможность ответственности государства - ответчика, Конституция которого могла бы противоречить обязательствам, вытекающим из Конвенции»[15].

В последние полтора-два десятилетия проблема непротиворечивости законодательства имеет особо важное значение для юриспруденции и практики.

Следует отличать внутренние системные противоречия от внешних. Н.А. Власенко выделяет следующие противоречия в законодательстве: временные, пространственные, содержательные и иерархические[16].

При законодательном упущении, т. е. непринятии соответствующего закона, государство также ответственно за созданную ситуацию. Издавая или сохраняя противоречащий Конституции закон, мы тем самым имеем дело с правонарушением.

IV. На практике нередко возникают дискуссии о соотношении процессуальных и материальных норм.

Процессуальный аспект, по мнению некоторых специалистов, имеет «...даже большее значение, чем нормы, относящиеся к материальному праву»[17].

В Конституции процессуальные нормы, как правило, отсутствуют. В ней обычно содержится бланкетная или отсылочная норма, обязывающая соответствующий государственный орган принять специальный акт, в том числе и процессуального характера (о порядке проведения выборов и референдумов, обсуждение вопросов государственной и местной жизни (ст. 37)).

Некоторые конституционные права (например, на судебную защиту, на получение квалифицированной юридической помощи и другие, имеющие неотъемлемый характер) подкрепляются процессуальным обеспечением на уровне отраслевого законодательства (ГПК, УПК). Не всегда эти нормы ориентированы на высокий уровень конституционных гарантий.

Важнейшей является задача конституционализации текущего законодательства, т. е. приведения его в соответствие с демократическими требованиями конституции. В этом процессе огромная роль принадлежит конституционным судам. В решениях конституционных судов излагается их правовая позиция, но не всю совокупность суждений следует воспринимать как правовую позицию. В законе определено, где она должна излагаться - в мотивировочной или постановляющей части. Полагаем, что правовая позиция - это не что иное, как логически завершенное суждение Конституционного Суда относительно конкретной правовой ситуации, являвшейся предметом его рассмотрения. Она должна имплементироваться в национальную правовую среду.

Защита прав человека - единственная функция суда, его предназначение[18]. Важно, чтобы это осознали сами суды. Суд - это орган власти, который разрешает в особом порядке социальные конфликты правового характера.

Как замечает А. Шайо, Конституционный Суд, вынося свои решения, способствует системности механизма защиты прав человека, воздействует на его нормативные, процессуальные, институциональные элементы. Конституционный Суд выносит обязательные решения, руководствуется преюдициальностью своих решении, хотя и вправе следовать принципу «изменяющегося толкования»[19].

В условиях динамичного общественного развития деятельность Конституционного Суда часто имеет субсидиарный характер.

Необходимо признать судебный прецедент в качестве источника белорусского права.

До настоящего времени преобладает, к сожалению, точка зрения, в соответствии с которой судебный прецедент не рассматривается в качестве источника права. Часто сторонники такого взгляда ссылаются на принадлежность правовой системы Республики Беларусь к романо-германской правовой семье, в которой якобы нет места судебному прецеденту. Однако эти доводы являются ошибочными. Действительно, для романо-германской правовой семьи характерно признание господства закона (первичности актов законодательства). В свою очередь, в рамках семьи общего права судебный прецедент имеет совершенно иной, более высокий статус по отношению к законодательству.

Прецедентом можно называть такое решение суда, которое ранее не встречалось в судебной практике. Другое дело, будет ли оно источником права или «неправа», зависит от ряда обстоятельств, в том числе и от отношения к такому решению вышестоящих судебных инстанций: оставили они его в силе или нет. При этом в случае противоречивого подхода к разрешению споров судами вышестоящая судебная инстанция не вправе спокойно взирать на это, как, например, случилось относительно применения сроков привлечения к административной ответственности или с определением должностного лица.

Для практики важное значение имеет решение вопроса о судьбе уже вынесенных судебных решений, основанных на ином понимании толкуемого акта (в том числе и Конституции), чем было дано в акте о толковании. По существу, речь идет о соотношении аутентического нормативного толкования акта (т. е. дачи толкования органом, издавшим толкуемый акт, или соответствующим уполномоченным органом) и казуального толкования, даваемого судами (общими, хозяйственными). Подход к определению их соотношения должен быть

следующий: аутентическое нормативное толкование обладает верховенством. Данный вывод не противоречит мнению о том, что судебные прецеденты как источники права должны быть признаны в нашей республике, получить свое развитие. Однако они не могут доминировать по отношению к решению законодателя. «Фактическое распространение судебного прецедента отвечает интересам правовой определенности, способствует единообразному решению сходных дел, что в конечном итоге повышает гарантии тех, кто ищет защиты у правосудия»[20].

Судебный прецедент - это наиболее гибкий механизм преодоления погрешностей законодателя[21].

Во все времена актуальной была проблема беспристрастности суда. В современных условиях этому может служить создание интеллектуальных систем в сфере правосудия. В процессе работы такой системы происходит «диалог» между юристом и компьютером, цель которого - дать системный анализ рассматриваемого текста и найти те сферы, те части закона в семантическом пространстве, где возможно возникновение противоречий[22].

[1] См.: Бланкенагель А. Конституционные суды, социальные права и социальное государство // Конституционное правосудие и социальное государство: Сб. докл. М., 2003. С. 9.
[2] Там же. С. 10.
[3] См.: Василевич Г.А. Конституционно-правовые аспекты становления социального государства // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30-31 марта 2000 г.). Мн., 2000. С. 3-8.
[4] Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн., 2001. С. 35.
[5] См.: Штобер Р. Общее хозяйственно-административное право. Мн., 2000. С. 50.
[6] Бланкенагель А. Указ. соч. С. 11.
[7] Штобер Р. Указ. соч. С. 60.
[8] См.: Василевич Г.А. Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий. Мн., 2000. С. 374-375; Василевич Г. А. Обратная сила нормативного правового акта // Право Беларуси. 2004. № 20 (92). С. 48-49.
[9] См.: Штобер Р. Указ. соч. С. 62.
[10] См.: Фаткуллин Ф.Н., Чулюкина Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 26.
[11] См.: Сорокин В.В. Об эффективности правовой системы // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 3. С. 29.
[12] См.: Там же.
[13] Броунли Я. Международное право: В 2 кн. М., 1977. Кн. 1. С. 71.
[14] См.: цит. по: Гусейнов Л.Г. Международная ответственность государств за нарушение прав человека. Киев, 2000. С. 88.
[15] Там же. С. 90
[16] См.: Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (логико-лингвистический анализ): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.
[17] Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 41.
[18] См.: Лазарева В.А. Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. 2001. № 5. С. 51-52.
[19] См.: Luайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999. С. 225.
[20] Глобализация и развитие законодательства (очерки) / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М., 2004. С. 61.
[21] См.: Там же.
[22] См.: Системность законодательства как фактор повышения его качества // Государство и право. 2002. № 8. С. 8.

Поступила в редакцию 17.10.05.

Григорий Алексеевич Василевич - Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права.

В.Н. БИБИЛО

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА

Рассматривается судебная деятельность, регулируемая социальными нормами: правовыми, моральными, религиозными, экономическими, идеологическими, политическими, эстетическими и организационными.

Society develops an appropriate model of justice. The article considers court activity which is regulated by social norms: legal, moral, religious, economic, ideological, political, esthetical and organizational.

Общество устанавливает определенную модель правосудия посредством социальных норм, соответствующих его природе и способствующих реализации представлений человека о справедливости[1]. Социальные нормы выполняют